

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА И ДЕВОЧКА КАТЯ

В новом современном микрорайоне города Бердска, что под Новосибирском на берегу Обского моря, в одной из квартир живут супруги Екатерина Кузьминична Макарова и Борис Валентинович Воложанин. Они — пенсионеры, бывшие врачи. Екатерина Кузьминична, которой сейчас 79 лет, в 1913—1914 годах часто бывала в семье Ульяновых, в Вологде, где Мария Ильинична находилась в ссылке.

Воспоминания Е. К. Макаровой, архивные документы, переписка семьи Ульяновых и впечатления автора — новосибирского журналиста от поездки в Вологду и Раскопino легли в основу предлагаемого читателям очерка.

Осенью тысяча девятьсот двадцать третьего года, в трудные, голодные дни, студенты редко баловали себя посещением кинотеатра. А если решались, то собирались группой, откупали один-два ряда. На этот раз «Совкино-журнал» показывал документальный фильм о семье Владимира Ильича Ленина. Таковую киноленту всем хотелось посмотреть. Вместе с подругами пошла и студентка второго курса медицинского факультета Катя Макарова.

Мелькали первые кадры. Оператор показывал Ильича, членов его семьи, групповые фотографии. И в это время на весь зал прозвучал взволнованный девичий возглас:

— Да это же мои знакомые! Мария Ильинична, Мария Александровна, Анна Ильинична, Марк Тимофеевич!

В зале произошел переполох. Люди зарывались, оборачивались на голос, спрашивали: кто такая? А студенты сразу узнали своеобразный Катин голос.

...Она родилась в последний год прошлого века в селе Небдыво на Вычегде — выпетный Корткеросский район Коми АССР. В семье бедняка-крестьянина Кузьмы Григорьевича Макарова. Катя была последней, восемнадцатой. Тринадцать умерли малолетними.

Тяжелой была жизнь народа коми. Прокормить большую семью просто не было возможности. Мать занималась только хозяйством, детьми. Отец летом работал в поле, заготавливал дрова, ловил рыбу, чтобы хоть в какой-то мере восполнить недостаток в пище. Зимой на своей единственной лошади он отправлялся на заработки.

В эти невероятно трудные годы Кате посчастливилось приобщиться к книге. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Девочка заболела скарлатиной. Болезнь протекала тяжело, отнялись ноги и надолго остались слабыми. В хозяйстве Катя была плохой помощницей. Оказавшись «беспольной», сдружилась с детьми инженера-землеустроителя, она окончила три класса приходской школы на языке коми. А когда семья инженера собралась уезжать в Вологду, поехала с ними и Катя, чтобы получить какую-нибудь профессию.

Пристроилась ученицей в белошвейную мастерскую. Однако учиться шитью не удалось, пришлось разжигать утюги да бить на посылках, бегать в лавку за чем придется, вплоть до табака и водки. Деревенскую девочку, плохо знающую русский язык, город

пугал и одновременно притягивал незнакомой жизнью. Особенно правился Кате молодой сквер — ее ровесник, заложенный в 1899 году, в столетнюю годовщину со дня рождения Пушкина. В редкие свободные от работы часы девочка любила сидеть в этом скверике.

Катя была замкнута, прерывчива и в то же время ни за что бы не поверила, что есть на свете люди, перед которыми ее душа распахнется доверчиво, сразу и навсегда.

Был теплый летний вечер. Катя, как всегда, рассматривала прохожих, отдыхающих. Особенно ее заинтересовала одна дама средних лет в строгом аккуратном костюме, с книгой в руках. Катя ее и раньше здесь видела несколько раз. И великий раз выделяла ее.

В этот вечер жеппичина в строгом скромном костюме села рядом:

— Здравствуй, девочка. Как тебя зовут? А меня — Мария Ильинична. Вот мы и знакомы.

Она задавала много вопросов. Почему одна? Почему нет подруг? Чем занимаешься? Любишь ли читать? Учишься ли? Хочешь ли учиться? Кто родители? Где живут? Доверительная беседа двух равных людей. Ласковый свет вдумчивых глаз. Негромкий, приветливый голос.

И Катя осмелела, говорила легко и свободно, почти не испытывая затруднения из-за нехватки русских слов в лексиконе. Еще никогда никто не говорил с ней так доброжелательно, серьезно, по-взрослому, еще никогда и никто не слушал ее так внимательно,

но, с настоящим интересом.

Расставаясь, Мария Ильинична спросила, знает ли Катя самаринский дом. Знает, так вот во втором доме, в глубине двора, на втором этаже, в квартире № 3 и живет твоя новая знакомая. Приходи в гости запросто, не стесняйся. Ведь тебе одной скучно. Будешь слушать музыку, читать книги. Познакомишься с мамой Марией Александровной...

...В этот октябрьский вечер двадцать третьего года студентка второго курса медицинского факультета Томского университета Екатерина Макарова долго не могла уснуть. А когда успокоилась подружка по общежитию, она поднялась и с сильно бьющимся от волнения сердцем написала: «Здравствуйте, дорогая Мария Ильинична! Вам пишет Катя Макарова. Может быть, Вы помните?...». Киножурнал подсказал адрес: «Москва, редакция газеты «Правда», Ульяновой Мария Ильинична». Утром опустила письмо в почтовый ящик.

Может быть, помнит?

Мария Ильинична помнила. Вскоре в Томский университет пришло письмо из Москвы:

«Дорогая Катя! (Пишу по-прежнему, ибо не знаю Вашего отчества). Рада была весточке от Вас. Хорошо бы было, если бы Вы написали мне подробнее о себе. Как Вы попали в Томск и вообще какживаете? Времени, а главное, событий, прошло с тех пор, как мы расстались, очень много, но я хорошо помню Вас и еще недавно собиралась справиться о Вас в Вологде. Но это было трудно, потому что я не могла указать, ни где Вы работали, ни пр. Судя по адре-

су, Вы учитесь в у-те, какую же Вы специальность себе избрали?

Я все годы революции работала в редакции «Правды». Работаю и сейчас, но мало, потому что живу с большим братом. Одно время ему было очень плохо, но теперь значительно лучше, и мы надеемся, что он поправится.

Ну, пока, кончаю. Целую Вас и жду дальнейшей весточки.

Ваша М. Ульянова.

Мой адрес: Москва, Кремль, М. Ульяновой».

Катя была счастлива. Зная Марию Ильиничну, она была уверена, что та откликнется. Но все-таки... Все-таки прошло девять лет — империалистическая война, Февральская и Великая Октябрьская революции, гражданская война. Теперь студентка Катя создала, какой титанический труд звалили на свои плечи милая женщина Мария Ильинична.

«Времени, а главное, событий, прошло с тех пор, как мы расстались, очень много, но я хорошо помню Вас...», — перечитывала, не замечая, как из глаз бегут счастливые слезы.

...Лето тринадцатого года было холодным и дождливым. Но иногда, особенно в июле, выпадали по-настоящему жаркие дни. Тогда Мария Александровна, Мария Ильинична и Катя шли вниз по Московской улице, туда, за пристань, где кончался город и начинался лес. Они собирали цветы, дупались. Мария Ильинична старалась научить девочку плавать...

Г. САСА.

(Окончание следует).

Мария Ильинична и девочка Катя

Екатерина Кузьминична вслушивается:

— Мария Ильинична дома бывала редко. Забежит на несколько минут, справится о здоровье Марии Александровны, проверит, прочитала ли я задание, как усвоила материал, задаст новый урок — и опять исчезает. Жили они очень трудно, Мария Ильинична постоянно искала работу...

К Марии Ильиничне приходили рабочие, видно, прямо из депо, потому что одежда была пропитана мазутом, от их ладоней па дверных ручках оставались масляные пятна. Когда они, недолго побыв, уходили, я ворчала на них, тряпкой протирала ручки. Мария Ильинична, посмеиваясь, говорила: «Ничего, Катя, пусть приходят. Это хорошие люди. Вот ты любишь читать книжки, и они тоже. Как же им в шпакле отказать?». И я соглашалась: отказать нельзя.

— Мария Ильинична и Мария Александровна, — вспоминает Е. К. Макарова, — часто играли на пианино в четыре руки. При этом меня усаживали на диванчик, чтобы я слушала музыку. Играли они очень хорошо, красиво. Было радостно. А иногда в квартире становилось шумно. Это тогда, когда в гости приезжали Аппа Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаров с приемным сыном. Помню, один раз было какое-то большое застолье, может быть, на масленицу, потому что угощали блинами. Много было культурных, хорошо одетых мужчин и женщин. Они пели какие-то незнакомые мне песни.

Здоровье Марии Александровны, которой уже шел восьмидесятый год и которая никак не могла приспособиться к климату Севера, ухудшалось. Мария Ильинична беспокоилась за ее жизнь. Было решено на лето выехать в село Раскопино, под Вологду. С большим трудом добились разрешения.

Провести все лето в деревне с близкими людьми, прокатиться на поезде впервые в жизни — разве это мало для счастья четырнадцатилетней девочки!

Изаба крестьянина П. А. Кукушкина расположена на восточной окраине села. Вокруг — леса, неподалеку река Вологда, в нее впадает Нозьма. И местность, и неуклюжий, неуютный дом, где нижний этаж без окон представлял собой какой-то склад и только верхний был жилым, всем понравился.

Они приехали 16 июня, а через десять дней...

26 июня в три часа ночи в дверь громко постучали.

Катя спросила:

— Кто там?

— Полиция! Открывай!

Повозившись с замором, открыла дверь. Мимо нее прошли пристав, понятия. Обыск продолжался долго.

Марию Ильиничну увезли в Вологду. Мария Александровна и Катя остались вдвоем. Из окна второго этажа они долго смотрели вслед уходящим, отсюда хорошо видна верхняя дорога почти до самого разъезда. На прощание Мария Ильинична сказала, что задерживать ее не за что и она придет вечерним поездом.

Долго тянулся этот день.

Вечером Мария Александровна сказала:

— Катя, пойдем встречать Марию Ильиничну.

Еще по дороге в Бовыкино Катя заметила, что Мария Александровна идет с трудом. Пришел поезд. Мария Ильинична не приехала. Обратный путь был еще более трудным. Мария Александровна отдыхала буквально через каждые десять-двадцать метров. Катя подыскивала удобное место, усаживала ее, собирала для нее цветы, зная, что Мария Александровна их очень любит.

В Раскопино пришли затемно, когда в домах крестьян тускло светились лампы.

Еще одна тревожная ночь — и приехала Мария Ильинична. Она сообщила, что в их воло-

годской квартире тоже был обыск. Что-то нашли...

Екатерина Кузьминична не помнит: или Мария Александровна со станции Бовыкино, или Мария Ильинична из Вологды дали телеграмму Елизаровым. Но вскоре Анна Ильинична и Марк Тимофеевич приехали в Раскопино.

Это были для Кати самые счастливые дни. Она с Марией Ильиничной ходила собирать малину. Они шли через огород, мимо сосны, под которой любила отдыхать Мария Александровна, прямо к Вологде, переходили вброд мелководную Нозьму — и перед ними расстилась заросли дикого малинника. Дорогой Мария Ильинична обязательно спрашивала урок. Девочка не уставала удивляться огромным, поистине безграничным знаниям своего старшего друга. У нее всегда находился четкий и ясный ответ на самый, казалось бы, неожиданный вопрос Кати...

Июль и август... Много солнца, цветов, ягод. Частые прогулки, купанье. Мария Ильинична тщательно старалась научить Катю плавать... Хорошие, спокойные дни. Только беспокоило здоровье Марии Александровны.

Два месяца жандармы пытались создать «дело». За хранение конфискованной литературы вологодский губернатор своей властью назначил Марии Ильиничне месяц ареста при полицейском участке.

Катя каждый день носила обеды Марии Ильиничне. Идти надо было мимо сквера, где она познакомилась с Марией Ильиничной, через площадь. В отдалении слева сверкала купола Софийского собора и звонницы, а направо — река. Перейдя по деревянному мосту, Катя вступала на Большую Архангельскую улицу.

Вот будка городского. А слева кирпичное одноэтажное здание с высокой каланчой. Здесь был третий полицейский участок и пожарная часть. Крайнее окошко — из камеры Марии Ильиничны.

Охранник снимал с дверей замок, затапливал в камеру девочку. Катя боялась этой комнаты, боялась крыс, которые тут бегали даже днем.

Мария Ильинична расспрашивала, как чувствует себя Мария Александровна, учила ли Катя уроки. И девочка успокаивалась.

Каждый день в участок и обратно она носила записки. Сохранились лишь некоторые.

26 августа 1914 года, на третий день заключения Марии Ильиничны, Мария Александровна писала:

«Здравствуй, дорогая моя Маруся! Здорова ли ты, родная моя. Хорошо ли провела ночь? Как только проснулась я, первая мысль была о тебе, милая моя. Я здорова, брожу по комнатам без посторонней помощи. Опустили вчера нашу комнату, но это ничего не значит, наша столовая стала точно красивее, убрали ее (окна на северной стороне), поставили стол из нашей комнаты, покрыли красивой скатертью, на ней вазы с цветами...».

Пока Катя шла, много думала. Почему у старой больной матери отнимают дочь? Почему добрая, ласковая Мария Ильинична сидит за решеткой, а вот эти расфуфыренные госпожи разгуливают по скверу, катаются в экипажах? Почему? Этих вопросов она не задавала ни Марии Александровне, ни Марии Ильиничне, — стеснялась.

На следующий день Катя несет следующее письмо:

«...Я здорова, но не выйду сегодня и на балкон, даже на минуту, неприятный ветер, то и дело дождь накрапывает.

Забыла Аня спросить тебя, где ключ от желтого сундука, надо достать там кое-что, чтобы, пожалуйста! Чернила это с Катей. Сейчас она завтракает, а потом будет собираться к тебе. Крепко обнимаю и целую тебя, дорогая, будь здорова, Марусенька.

21 сентября Мария Ильинична была освобождена из-под ареста, назавтра кончался срок ее ссылки, а Катя лежала в жару. За ней ухаживали все Ульяновы, приглашали врача. Им надо было уезжать: Марии Александровне и Анне Ильиничне — в Петроград, а Марию Ильиничну в Москву ждала революционная работа.

Как быть? Что делать с Катей? Мария Ильинична обратилась к владельцу дома Самарину с просьбой, чтобы он не беспокоил девочку, пока она не выздоровеет, попросила знакомых, чтобы не оставили ее без присмотра.

...После отъезда Ульяновых Кате пришлось работать и самостоятельно, с помощью знакомых Марии Ильиничны, учиться. Весной восемнадцатого года она экстерном сдала экзамены за четыре класса гимназии. Вскоре на базе гимназии создались советские трудовые школы, в одну из которых Катя и поступила. Днем работала, чтобы получить деньги и продовольственную карточку, а вечерами упорно училась.

Совтрудшколу второй степени окончила в 1920 году. По путевке Главпрофобра была направлена учиться в Томский университет.

Получив диплом, Екатерина Кузьминична, специалист по акушерству и гинекологии, работала в селе Зоряновском Томского округа, в поселке Яшкинского цементного завода, затем в Красноярском крае и, наконец, в Бердске. В ее домашнем архиве много благодарностей, сердечных писем больных. Здесь же хранится и копия письма Марии Ильиничны. Подлинник она подарила Центральному партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

— Раньше все собориться не могла, — сетует Екатерина Кузьминична, — а сейчас бы полстела в Вологду, да старость с болезнями подкачала...

У нас появилась мысль побывать в Вологде, пройти дорогами и тропинками Марии Ильиничны, Марии Александровны, девочки Кати из захолустного северного села, которая прикоснулась к жизни великих людей. И теплилась надежда: может быть, удастся встретить кого-нибудь из тех, кто знал и помнит те далекие дни.

Едем в Раскопино. Машина остановилась у бывшего дома П. А. Кукушкина, где сейчас расположен филиал Дома-музея М. И. Ульяновой.

Одна из первых наших собеседниц — Клавдия Дмитриевна Сивеева. Она живет через дорогу от исторического дома и родилась в один год с Екатериной Кузьминичной Макаровой. И ей, и Кате в тот далекий год было по четырнадцать лет. Она хорошо помнит Марию Ильиничну. Анну Ильиничну, Марию Александровну, Марку Тимофеевича.

— И еще я помню: жила у них девочка Катя. Мы с ней дружили. Я приходила к ней в гости.

Узнав, что Екатерина Кузьминична жива и живет под Новосибирском, попросила передать ей сердечный привет. Мы записали ее голос на магнитофон:

— Дорогая Екатерина Кузьминична! — начала она, но быстро сбилась и обратилась по-другому: — Дорогая Катенька! Я хорошо тебя помню, помню, как мы дружили. Помнишь ли ты Раскопино и меня, Клашу Сивееву?

Возвратившись из Вологды, мы спросили Екатерину Кузьминичну Макарову, помнит ли она Клашу Сивееву из Раскопина.

Екатерина Кузьминична разволновалась:

— Помню. Все, что связано с Вологдой, с семьей Ульяновых, — незабываемо.

Г. САССА.

Вологда—Новосибирск.

Твоя мама